

Выбор Артура

Дэвид Висман

Часть 1.

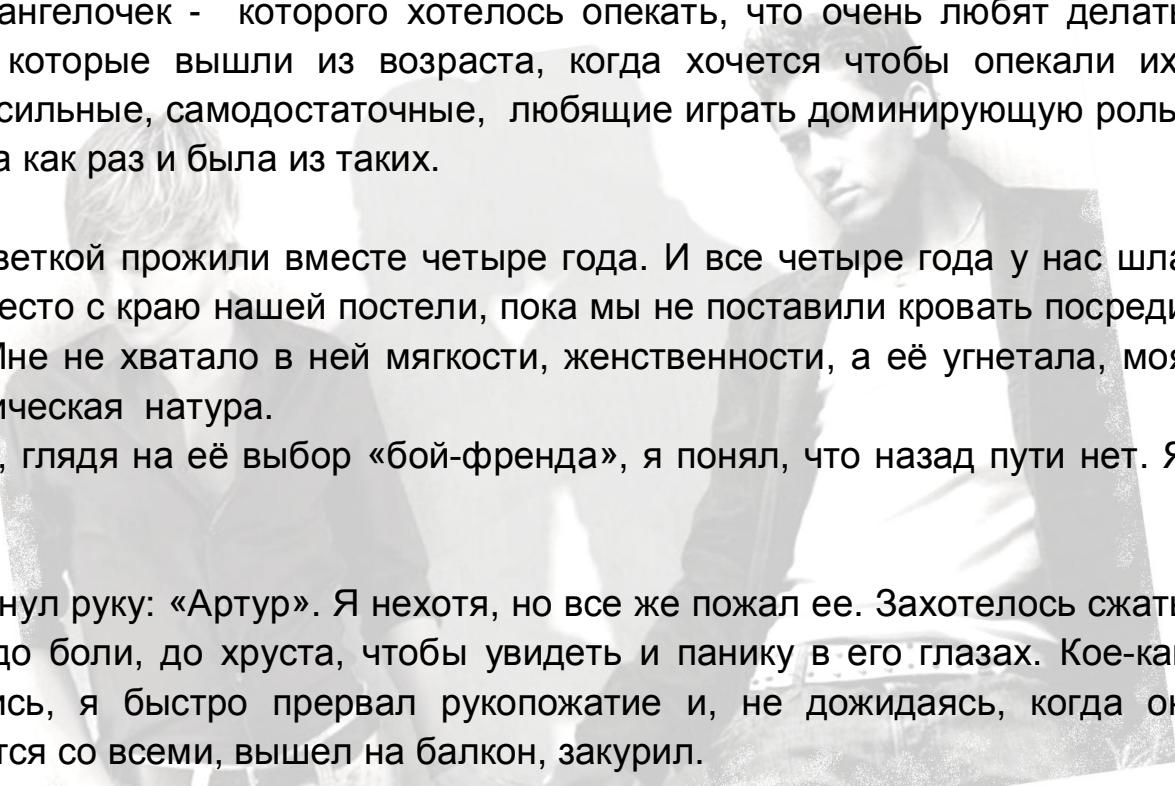
Как бы ни неприятно мне это было, но придется пережить этот эпизод моей жизни.

Сегодня день рождения у Ольги – сестры моей бывшей жены и супруги моего лучшего друга Кости.

И на этом дне рождения мне предстоит знакомство с нынешним бой-френдом моей Светланы.

Не удивительно, что Светка на него так запала. Я даже злиться на неё перестал. Ну не могла она на него не запасть.

Этакий ангелочек - которого хотелось опекать, что очень любят делать женщины, которые вышли из возраста, когда хочется чтобы опекали их. Женщины сильные, самодостаточные, любящие играть доминирующую роль. А Светлана как раз и была из таких.

Мы со Светкой прожили вместе четыре года. И все четыре года у нас шла война за место с краю нашей постели, пока мы не поставили кровать посреди спальни. Мне не хватало в ней мягкости, женственности, а её угнетала, моя собственническая натура.

И теперь, глядя на её выбор «бой-френда», я понял, что назад пути нет. Я троиграл.

Он протянул руку: «Артур». Я нехотя, но все же пожал ее. Захотелось сжать это кисть до боли, до хруста, чтобы увидеть и панику в его глазах. Кое-как сдержавшись, я быстро прервал рукопожатие и, не дожидаясь, когда он познакомится со всеми, вышел на балкон, закурил.

– Ну что, сдался что ли? – Костя вышел следом за мной.

– Ты что, не видишь? Где я её от такого оторву? Она же его, как орлица ттенца, защищать станет. Ты Светку, что ли, не знаешь? Ей лесбиянкой надо было стать, любит вместо плеча настоящего мужика, хрупкие плечики всяких эльфов.

Костя засмеялся и ткнул меня локтем в бок.

– А ты её у него не отбивай, ты сделай наоборот.

– В смысле?

– Ты его у неё отбей.

– Что? - Я стоял с открытым ртом и пялился на друга. Вот это финг, он мне зыдал.

– Олег, только не говори, что ты прямо-таки гомофоб, и геев, за людей не считаешь. Не говори, что у тебя на него не встанет. Ты, по-моему, готов

грахать все, что шевелится. Что до Светланы, что при ней, что сейчас еще ни одной юбки не пропустил.

– Ну, ты, Костик, даешь! То ж юбки, а не мужики.

– А где ты мужика видишь? Он же мальчик еще совсем, причем классный мальчик. Не каждая девка, которую ты трахал, такой внешностью похвастать может. И если честно, ты меня извини, но твоя Светка «и рядом с ним не стояла». Я вообще удивляюсь, как она его охомутать умудрилась. Был бы я не женат, да чихать бы я хотел, что он парень. Представляешь, как Светка ззбесится, если ты его совратишь.

Я попробовал переварить всё им сказанное. Никогда не подумал бы, что Костя может «чихать, что он парень». Насколько я его знал, он на мужиков никогда не смотрел. Или я плохо его знал?

– Кость, а как ты себе это представляешь? Как я его должен отбивать?

– Ну... Ты же у нас еще тот ловелас. Думай.

– Ты что, охренел, я всю жизнь с девками «ловеласился»! С ними я профи, а с парнями как? Да еще если и я, и он – натуралы, и любим одну бабу. По-моему, это даже извращение какое-то – отбить парня у своей бывшей жены. Цурдом! И потом, ну отобью я его – ни себе, ни ей. Всем жизнь только испорчу.

Костя хихикнул:

– «Сделай гадость – сердцу радость». Будут знать, как рога тебе ставить. Не люблю я Светку твою, стервозная она. Вечно к нам в семью лезет. Учит все уму-разуму, можно подумать, умная такая. Придет, настропалит Ольгу, а у нас потом неделю скандал... О, легка на помине.

Дверь на балкон открылась. Светлана, подбоченясь, стояла в проеме.

– Слушай, Гордеев, не дергайся. Я не виновата, что Ольгу угораздило зыйти за твоего лучшего друга. Так что терпи, дорогой, еще не раз придется нас с Артуриком встречать. Привыкай.

– Да мне-то что? – Я равнодушно пожал плечами. – Это пусть, твой Артурик привыкает.

Я прохожу мимо неё в комнату. Бог мой, я уже стал забывать, как она тахнет, какое упругое у неё тело, упругое и горячее. «Чёрт! Может топроситься к ним третьим?», – с тоской думаю я. Ну вот, дошел, точно скрыша едет. Это всё Костик со своими разговорами.

Сажусь за стол и оказываюсь прямо против Артурика. Сверлю его прямым ззглядом, он чувствует себя неудобно, нервничает, не знает, куда деть свои лазищи. Сейчас в тарелку уткнется. Пока он этого не сделал, улыбаюсь и тодмигиваю. Артурчик, по-моему, чуть под стол не уполз, сидит красный, как

зак. Глаза все-таки в тарелку уткнул, какая прелесть. Класс! Сердцу – и зпрымь радость. От смущения он запихивает в рот оливку.. Во, дает! Как это у него так сексуально получилось?

Наверное, я на него так посмотрел, что он, бедный, этой самой оливкой тодавился. Даже краснеть начал. Но это не я ему пожелал, честно.

Он действительно подавился, из ярко-красного стал бордовым, лицо зздулось, рот открыт, а глаза превратились в блудца. Фу, какой некрасивый. Так, он уже начинает хрипеть, хватая ртом воздух. Черт, я же не изверг, смерти ему не желаю. Вот он, мой шанс! Сейчас спасу его – буду героем. Он и Светка будут мне обязаны по гроб жизни.

Пока я собирался обогнуть стол, к Артуру подлетела Светка. Обхватила его сзади, резко подняла и сдавила грудь, затем еще кулаком со всей силы по спине ему заехала. В следующий миг оливка плюхнулась мне в тарелку, спасибо хоть не в лицо. Артур закашлялся, я налил из графина в бокал морсу и протянул. Он, кашляя, кивнул: типа спасибо. Черт, оказалось что в графине не морс, а самогон. А я-то думаю, чего это Костик на меня так подозрительно смотрит. Светка накинулась на меня:

– Гордеев, сволочь, ты это специально сделал?! Оставь его в покое, не будь тосмешщиком! Сам себя унижаешь своей запоздалой ревностью.

– Фи, – сложил я губки бантиком. – Нужна ты мне, тебя ревновать. И зообще, я ориентацию сменил.

Я думал, что теперь всех присутствующих придется спасать от удушья. Эльга как рыба хватала ртом воздух. Глаза у неё тоже были рыбьи – круглые, выпученные. Костя втихую ржал себе в кулак. Славик с Настеной (наши общие друзья) неловко заерзали на стульях, и тоже смотрели на меня с открытыми ртами. Светка, бедная, на ослабших ногах, сползла на стул. Ну, тросто наслаждение смотреть на все это! И только красавчик Артур, откашлявшись, наконец, и вытирая носовым платком слезы и сопли, вдруг засмеялся.

– Ну, вы, блин, даете! Цирк, да и только. Давайте уже водку пить, да лменинницу поздравлять.

Все облегченно вздохнули, загремели вилками, зачавкали, и наперебой начали поздравлять Ольгу.

– Шутник ты, Гордеев, прямо не могу, – хмыкнула мне Светка.

– А вдруг я не шучу? Вот отобью у тебя твоего Артурика, будешь знать.

Артур опять засмеялся, а Светка покрутила пальцем у виска.

К часам одиннадцати вечера все основательно наклюкались. Девочки тошли в спальню, требуя Ольгину новые шмотки. А мальчики – на балкон, токурить. Я постарался оказаться возле Артура. Балкон маленький, а нас много, отчего тесно. И я прижался к нему вплотную. Костя мне тут же тодыграли, прижав его с другой стороны. Артур вдруг повернул ко мне лицо, серьезно так посмотрел мне в глаза, мне даже не по себе стало.

– Олег, ты, правда, не злишься, что я со Светой?

Я придаю своему лицу свирепое выражение и, сквозь зубы, сжимаю:

– А у тебя бы жену увеличили, ты бы не злился? Давай завтра, на свежую голову, поговорим об этом. Встретимся где-нибудь без Светланы и поговорим, как мужчина с женщиной. Фейлик я твой быть не собираюсь, не бойся. Можешь не говорить Светлане?

Артур утвердительно кивает.

– Умный мальчик, – обнимаю его за плечи и прижимаю к себе. Он не отстраняется, не чувствуя подвоха.

– Где встретимся? И давай только днем, вечером мне от Светика не отвертеться.

Я выбрал небольшой ресторан, возле своего дома.

Утром меня разбудил трезвон телефона. Кое-как разодрав глаза, матеря, на чём свет стоит безмозглого придурка, звонившего ни свет, ни заря в мой законный выходной, снял трубку.

– Олег, ты не забыл, что в двенадцать у тебя свидание с соперником?

Блин, я чуть не взвыл! Конечно же, я забыл. И на хрена, спрашивается, я вообще его назначил? Бред какой-то.

– Кость, я не пойду. Напридумывали ерунду по-пьяне.

– Пойдешь как миленький. Ты же со мной на свою любимую тачку поспорил, не жалко проиграть?

– Ты это о чём? – ни фига поворотики. Я силился вспомнить тему нашего спора.

– О том, красавчик, что ты сказал: тебе этого Артурика соблазнить как два тальца ... И если через месяц он не уйдет от Светки, и ты спасешь, твоя гачка – моя.

– Ну, ты, Костя, урод! Ты специально меня подловил? Что, так сильно Светке насолить охота?

– От урода слышу. За тебя, придурка, обидно, да и развлечение хоть какое-то. Помнишь, как мы по молодости спорили, кто первый девчонку уложит? Вот и тряхни стариной. Сейчас задачка посложнее, чем дивчину уломать. Так что действуй.

Я посмотрел на часы – время одиннадцать. Нехотя поплёлся в ванную. Вот, блин, Костя провокатор, вечно он меня разводит на что-нибудь. А я-то хорош, как идиот малолетний подписался на эту затею. Мужику уже тридцать скоро, а ума как будто тринадцать. Тьфу ты, шиза безмозглая, правильно тебя Светка бросила, кому ты без мозгов нужен.

Ресторан был почти пуст. Артур сидел за угловым столиком. Все-таки тришел, а я надеялся, что мне можно будет отвертеться, сказав Косте, что объект нашего спора не явился.

Мы сделали заказ и молча, уставились друг на друга, не зная с чего начать разговор. Мне почему-то расхотелось говорить о Светлане.

– Света с Ольгой поехали к маме в деревню, ночевать не приедут. Костя звал нас к себе, сказал, что можем устроить мальчишник. Ты не хочешь?

Артур улыбался мне как старому приятелю. Как будто мы дружили с ним, а не встретились делить женщину. А Костя, вот пройдоха, мне ведь ничего не сказал. Почву, значит, подготавливает. Ну, прямо все для меня, действуй – не кочу. Вот гад.

– Пока не знаю, посмотрим. А у тебя, вообще, какие планы? Ты сам чего хочешь?

– Честно? Знаешь, я сто лет в парке не был. На чертово колесо хочу. Я Свету звал... – он смущился и, виновато посмотрев на меня, замолчал. – Извини Олег, я не хотел тебя обидеть, тебе ведь неприятно про нас со Светланой слушать. Ты ведь меня о ней поговорить позвал, а я чего-то не то сесу. Прости.

– Да чего уж там, – я махнул рукой. – Чего говорить-то теперь, живите да задуйтесь. Я сам виноват, что она меня бросила. Так что Светка насчет колеса говорит?

Черт, он прямо расцвел на глазах, ребенок еще совсем. Глаза-то как сияют!

– Она меня детским садом обозвала, а что здесь такого, если мне нравится на нем кататься? Ведь классно, весь город как на ладони.

У меня вдруг закралось одно подозрение. Ну, что он младше Светланы на семь лет я и так знал, сейчас таких пар пруд пруди. Здесь другое...

– Артур, а скажи-ка мне честно, у тебя до Светы девушки были?

Его реакция подтвердила мои сомнения полностью. Он покраснел, стал нервно теребить салфетку, превращая её в мятую тряпку.

– Ну, если честно, нет. Я домосед по натуре, друзей у меня мало, а подруг гем более. Я учусь, да работаю по вечерам. Работа на дому – переводы там зияющие, рефераты, дипломные. Мама часто бухгалтерию со своей фирмы

триносит, мне за неё платят. Заработка хорошие, но приходится из-за компа не вылезать.

– А где ж вы со Светиком познакомились?

– Нас моя мама познакомила. Они со Светланой вместе работают. Я отчет одовой Светлане делал, она после вашей ссоры в депрессии была. Ой...

Он зарделся как маков цвет, поняв, что опять ляпнул что-то не то. Боже, действительно «детский сад». И я вдруг понял, что он мне не соперник. Светка бросит его. Он для неё отдушина, игрушка, которой занимают свободное время. Ведь если бы любила, поняла бы, что парень зовет ее в тарк как свою первую девушку. Что для него – это запоздалые, но первые тоцелуи, романтика отношений, на которой он рос с подачи мамы. Отца или старшего брата, по-видимому, в семье нет. Мне вдруг стало, его жаль, захотелось потрепать его по лохматой голове, и еще захотелось на чертово колесо.

– Ну, что ж, доедай, и поехали кататься на «чертовом колесе».

Мы перекатались на всех каруселях, налопались мороженого, опились тимонадом и кидали друг в друга поп-корном. Сшибались машинками, стреляли в тире, сто лет не ощущал такого душевного подъема. Все рестораны, боулинги, казино вместе взятые – просто отдыхают по сравнению с «американскими горками». Мне было весело, я был просто счастлив. И еще я стал все чаще поглядывать в сторону раскрасневшегося Артура.

– Ну что еще желает Ваше высочество? – я отвешиваю ему шутливый токлон.

Он смотрит на меня хитрющими глазами, делает величественную осанку и товелительным тоном диктует свою волю:

– Моё высочество желает, насладится выступлением циркачей.

В цирке мы наравне с детьми кричали клоуну какую-то ерунду, улюлюкали и кохотали. У меня болели ладони – с таким усердием я хлопал кошечкам, собачкам, обезьянкам и медведям.

Я черт знает сколько лет, не испытывал такого восторженного состояния и готов был расцеловать Артура за все эти детские ощущения.

Потом не спеша шли по набережной, и я вдруг понял, что забыл, когда я вот так гулял – пешим ходом. Шли, молча, наслаждаясь еле ощутимым ветерком. Уже начинало темнеть, и мы любовались кровавым речным закатом. Солнце как будто медленно тонуло в спокойной глади реки. Я забыл, когда наблюдал последний раз за такой красотой. Уселись возле кромки реки прямо на песок, и Артур, выискивая в песке гладкие камушки, пытался запустить «блинчики»,

а я все больше присматривался к нему. И кажется мне тоже уже было все явно, что он парень.

– Артур, ты есть хочешь? Может, в кафе какое-нибудь пойдем?

– Знаешь, я не люблю такие заведения. На меня вечно там пялятся, и чувствую себя не в своей тарелке. Все время, кажется, что я не так что-то делаю.

Я не удержался, провел рукой по его волосам.

– Глупый, на тебя смотрят потому, что ты красивый. Ведь ты любуешься сейчас закатом.

Он с удивлением посмотрел на меня, но от руки моей не отстранился.

– Знаешь, Олег, ты похож на моего старшего брата. Он погиб. Мне тогда десять лет было. А ему – четырнадцать в тот день. Они напились с друзьями, угнали машину соседа и врезались на ней в светофор. Все отделались царапинами, а брату сломало рулевое колесо и оно воткнулось в сердце. Мне это очень не хватает. Я, наверное, и домосед поэтому... Не хочется лишний раз огорчать маму, она себе места не находит, когда меня нет.

– А как же сейчас, она не волнуется?

– Что ты, она же думает что я у Светы. Черт, прости.

– Прекращай извиняться. Ну что, есть предложения насчет пожрать?

– А давай шашлыки купим, и съедим их на какой-нибудь лавочке.

– У меня предложение получше. Покупаем шашлыки и съедаем их в кино. Хочешь в кино?

Он чуть не кидается мне на шею.

– Конечно, хочу! Олег, ты просто супер! А Светка – дура ... Черт, опять меня тонесло, – он смущился.

Теперь моя очередь хитро улыбаться.

– А если бы ты был девчонкой, влюбился бы в меня?

Он прищуривается, осматривает меня, как будто прицениваясь, и выдает:

– А что, парень ты видный. Солидный такой. Сразу видно – при деньгах, упакованный.

Был бы девкой, обязательно бы влюбился.

– Ах, ты, засранец. Упакованный значит?

Я, смеясь, пытаюсь намять ему бока. Но он уворачивается, вскакивает на юги и, убегая, кричит мне:

– Ну, не только же за красивые глазки тебя девки любят!..

Вот мерзавец, уел.

Из кинотеатра мы вышли во втором часу ночи. У Артура слипались глаза, а я, как ни странно, после такого насыщенного дня был как огурчик.

– Сейчас возьмем такси и поедем к Костику, а то он, наверное, уже извялся
– переживает, не пришиб ли я тебя.
– Олеж, ты прости, но я еле на ногах держусь. Мне бы до кровати и банишки.
– Ну, тогда поехали ко мне. Я уложу тебя на большущем диване, будешь спать крепко, как спящая красавица.
– Хорошо, только ты меня разбуди завтра утром пораньше, ладно?
– О, как прикажите, Ваше высочество.

***

Он смешно посапывал во сне. Подложив под щёку руку, спал трогательно, как-то по-детски. И мне захотелось дотронуться до горячей со сна щеки, убрать непослушную прядь с лица.

Черт, Гордеев, ты, кажется, спятил? Нельзя хотеть «бой-френда» своей бывшей жены. Ни один нормальный мужик не будет хотеть «бой-френда» своей бывшей жены.

Кажется я с подачи Кости, начинаю сходить сума. Отодвинулся на самый край дивана, от греха подальше и наконец заснул.

Утром, долго разглядывал спящего парня, убеждая себя, что у меня нет к нему никакого влечения. Вроде бы убедил. И только после этого, со спокойной душой, я его растолкал. И нет, чтобы сразу выйти из комнаты, нет, тридурок, дождался, когда красавчик сладко потягнется. Житель «кабинета» гут же тоже потянулся, прямо вверх, к выходу, и бесстыдно высунул свою головку в окошечко, игнорируя все мои убеждения. Артур с интересом уставился на меня.

– Олеж, у тебя, по-моему, стояк. Тебе случаем не Светка приснилась?
– Нет, я всю ночь на тебя дрошил.
– А чего тогда опять стоит? – и рот до ушей.

Ну не паразит ли? То краснеет при одном взгляде, как девочка, то пошлит и без зазрения совести рассматривает мой агрегат.

Я подвёз его к Светкиному дому. Уже выходя из машины, он протянул мне руку.

– Олег, спасибо тебе большое, ты классный мужик. И мне очень жаль, что у зас со Светланой так сложилось. Но я в этом не виноват, поверь. Если даже я сейчас уйду в сторону, она к тебе все равно не вернётся.

Я сжал его ладонь, не торопясь отпустить.

– Не переживай, парень, у меня тоже к ней все перегорело. Давай в следующую субботу поедем на рыбалку, хочешь?

У него глаза загорелись.

– Конечно, хочу. С ночёвкой, с палатками? Блин, а что я Свете скажу?

– Скажешь, что едешь с Костиком, мы его тоже возьмем. Только про меня ничего не говори. Номер мобильного своего мне дай.

– Он у меня в ремонте, но я завтра его заберу. Ты мне свой скажи, я запомню.

Меня разобрал смех – мой телефон тоже был в ремонте. То-то мы вчера так спокойно гуляли, а я еще удивился, что ему Светка ни разу с проверкой не тозвонила. Я ему об этом сказал, он тоже засмеялся.

– Наверное, это судьба. Так бы мы фиг, спокойно провели время.

Я написал ему номер телефона. Он вышел из машины и, на прощание, томахав мне рукой, зашел в подъезд. А я еще долго стоял у подъезда, сам не знаю зачем.

За неделю я извелся, глядя на дисплей телефона. Но незнакомый номер всё не звонил. Зато интриган Костик меня одолел. Докладывал мне, чуть ли не каждый шаг сладкой парочки. А уж как он ждал предстоящую рыбалку! В пятницу вечером Костик позвонил мне и сказал, что утром в четыре они с Артуром заедут за мной. Чтобы я был как штык. У Кости есть такая странность – ехать на рыбалку ни свет, ни заря. Приедет и первым делом надувает лодку, хватает удочки – и поминай, как звали. А палатка и всё остальное – на мне. Так что я уже смирился, что я у него в качестве рабочей силы на рыбалке состою.

Вот и на этот раз, не успели приехать:

– Так, Олег, на тебе палатка и костер. Ты все равно ни одной рыбы не тоймаешь. С берега, если что, порыбачишь. А мы с Артуром поплыли.

– Может, Артур тоже ни одной рыбы не поймает, – меня прямо-таки уела его наглая командирская рожа.

– Вот мы и посмотрим, какой из него рыбак.

Артур был почему-то тихим и грустным. Всю дорогу молчал. Вот и сейчас молча, накачивал лодку. Я пихнул его в бок:

– Ты чего, мой принц, не весел, чего голову повесил?

Он улыбнулся.

– Олег, я сказал Свете, что ты с нами едешь. Она вообще была против этой рыбалки. А когда про тебя услышала, совсем с катушек слетела. Может, она тебя еще любит, поэтому такая реакция?

Я почему-то не испытал радости от услышанного. Зная Светлану, я мог представить, что значит "слетела с катушек". Приятного мало. И что она меня любит – все фигня. Можно не обольщаться. Просто Света наша не любит

сюрпризов. А то, что мы с Артуром подружились – для неё сюрприз. Ей бы, как всякой женщине, хотелось, чтобы мы исходили друг к другу ревностью, а не ночевали в одной палатке. Я дружески похлопал Артура по спине. Как же я, оказывается, по нему соскучился. Так бы и не убирал руку с его теплой спины.

– Не обращай внимания, у неё, наверное, дни критические, она в это время всегда орёт. А любовь, будь спокоен, прошла.

– Прошла любовь, завяли помидоры... – напевая эту фразу, я стал заспаковывать рюкзаки.

Костя незаметно подал мне знак, чтобы я шел за ним, типа по нужде. Когда мы отошли, он зашептал мне в ухо:

– У них все хреново, она бедного пацана уже достала. У неё на работе какие-то проблемы, а Артур – крайний. Он ей уже все отчеты переделал, из-за компьютера не вылезит. Ольга говорит, что он институт бросать собирается – Светлана на работу гонит. Хоть он и так, сложа руки, не сидит. Он на дипломных и переводах хорошие бабки делает. Вот и сегодня и ему, и мне досталось. А уж по тебе прошлись... Мы его, видите ли, от работы отвлекаем, сами ни хрена не делаем, тунеядцы, алкаши и т.д. Слушай, когда твоя Светка такой жадной до денег стала?

Я пожал плечами, мне не хотелось разговаривать. Все мои мысли были об Артуре. Надо поговорить с бывшей благоверной. На хрена она пацану жизнь томает. Он же, видать, одаренный, умный парень, ему обязательно надо доучиться. Неужели она не понимает, что это сейчас он её безоговорочно слушает, а лет через десять и всю оставшуюся жизнь будет считать её зиноватой в своей не состоявшейся карьере.

Артур уже накачал лодку и, понурый, пытался справиться с палаткой. Я тодошел к нему и стал помогать. Он грустно мне улыбнулся. Я не выдержал, схватив его за плечи, тряхнул:

– Так, все. Прекращай грустить. Всю рыбу своей кислой рожей распугаешь.

Он засмеялся, вскинул на меня глаза:

– Олеж, а можно я с тобой на берегу останусь. Я, если честно, рыбачить совсем не умею. Да и засну, боюсь, с удочкой. Костя меня потом насмешками изведет.

– Конечно, оставайся. Он пока рыбачить будет, мы с тобой все шашлыки слопаем.

К полудню Артура сон всё-таки одолел, как он ему не противился. Парень зыбуился прямо у костра, на ещё влажной от росы траве. Я смотрел на него и начинал понимать, что кажется я попал. И ещё я понял, что не смогу

тоступить с ним так подло, что не буду я его у Светки отбивать. Да и вообще, надо держаться от него подальше, пока у меня совсем крышу не сорвало.

Костя порыбачил на славу, обозвал нас «грузилами» к настоящему рыбаку, товорчал для порядка и стал колдовать над ухой. А мы с Артуром, чтобы его не раздражать своим бездействием, пошли добывать на ночь дрова. Добыли иного, Костя остался доволен. Наевшись до отвала ухи и шашлыков, увалились в палатку спать. Артур оказался посерёдке. Вырубился почти сразу, видать и, правда, устал от учебы с работой. Костя сделал огромные лаза, соскочил и побежал в ближайшие кустики. Потом заглянул в палатку и, тодмигнув мне, сообщил, что будет спать в лодке. Я долго лежал без сна, эщущая ровное, горячее дыхание на своей щеке.

Следующий день прошёл веселее. Вволю выспавшись, Артур рыбачил с берега, а я развел костер и занялся приготовлением обеда. Костя, как всегда, ни свет, ни заря отчалил на своей лодке и болтался посреди озера. Вода была теплой, и после обеда мы решили искупаться. Артур оказался везучим рыбаком. Он поймал с берега за три часа рыбы больше, чем Костя за шесть с полдки. На что Костя с завистью продекламировал:

– Новичкам и дуракам , рыбка прыгает в карман.

Артур со смехом обрызгал его водой. Пообедав, немного повалявшись, «завязывая жирок», а потом всё-таки стали искать, место почище от ила, чтобы искупнуться. Я старался не реагировать и не смотреть на Артура. Он наслаждался теплой водой, дурачился, ныряя и дергая нас за ноги. Костя, схватив его, прижал спиной к себе, нырнул вместе с ним под воду. Артур долго отфыркивался, и в отместку «утопил» Костю.

А я выбрался на берег, не в силах наблюдать их веселую возню.

Вечером мы первым домой отвезли Артура. Всю обратную дорогу он ехал спяТЬ погрустневший.

До моего дома мы с Костей ехали молча. Выйдя у подъезда, я попросил его тодождать меня пять минут.

Вынес ключи от своей машины.

– Считай, что я проиграл.

Он со злостью кинул мне их назад.

– Приду́рок, пошел ты!

Я смотрел вслед уезжающей машине. Классный все-таки у меня друг, все понимает без слов.

Всю неделю я жил как во сне, только и думал что об Артуре. Еле сдерживался, чтобы не поехать к Светке.

Мысли, что это не правильно, что все это отдает голубизной – игнорировал, запихивал их, в самый дальний угол сознания, отвечая на них самому себе : 'плевать"

Костя - гад, молчал, не звонил. Обиделся, наверное, ждал, когда тозвоню я.

В субботу я не выдержал: промаявшись до десяти утра, набрал номер Кости.

Он обрадовался моему звонку:

– Что чертяка, не выдержал? Сейчас я на кухню выйду, моя еще спит.

Слышу его слонячий топот, у Ольги, наверное, сон богатырский.

– Тут такое дело... – шепчет мне в трубку, – Ушел Артур от Светки. Мать этого, когда узнала, что он институт собрался бросать, такой скандал закатила!.. Светка же уперлась – пусть идет на работу или проваливает. И он, представляешь, ушел.

У меня все стучало в висках. Парню, наверное, хреново сейчас, я ему нужен. Как ни странно, про Светлану я даже не вспомнил.

– Костя, ты знаешь номер его сотового?

– Записывай.

Руки тряслись, когда я набирал номер. В горле почему-то першило. Я чуть грубку не выронил, когда услышал его голос.

– Олег, это ты?

– Артур, я хочу тебя видеть.

– И я тебя. Я соскучился. Позови меня к себе в гости.

Я ждал его, как не ждал, ни одну девушку. Накрыл стол на двоих, охладил зино, вытащил из холодильника все самое вкусное. Зачем-то принял душ по второму разу.

Вообще я не знал, как вести себя с парнем.

Может водки, вместо вина надо было купить, а я как идиот, романтику здесь устраиваю.

Может он вообще имел в виду другое, под «я соскучился», а я здесь фантазии развозжу и слюни распускаю. В общем, извелся основательно, пока не услышал, что звонят в дверь.

Он держал в одной руке бутылку вина, а в другой – торт. Я притянул его к себе, и, не удосужившись закрыть дверь, впился ему в губы. Он засмеялся мне в рот, и пяткой захлопнул двери.

*****

Было уже два часа ночи, а Артур все сидел у компа. На все мои увещевания течь спать отмахивался:

– Сейчас, еще немножко, допишу. Еще пара строчек.

Эти его «пара строчек» превратилась уже в пару десяток страниц. На мое предложение помочь оплатить его обучение в институте он ответил решительным отказом, сказав, что если я еще раз сделаю такое предложение, то больше его не увижу. Гордый. Вот я и смирился с тем, что он иногда брал работу на дом.

Ждать надоело. Подошел к нему сзади, уткнулся в макушку и стал в нее дуть.

Он засмеялся:

– Олег, не дразни меня. Мне совсем немного осталось, дай... – я не дал ему договорить.

От губ перешел к подбородку и шее. Я знал, что под подбородком у Артура эрогенная зона. Поэтому с удовольствием доводил этого упрямца, до полной абстракции.

Он не вытерпел и вместе со стулом облокотился на меня, подставляя мне цею для поцелуев.

Мне только дай намек, я тут же оторвал его от стула и увлек на кровать.

Мы встречались уже три месяца, последний из которых Артур большей частью ночевал у меня, безбожно врав матери, что ночует у однокурсника.

Я не представлял, что могу ТАК любить. Все, что было до Артура – Светлана, другие женщины – все как будто было не со мной.

Когда я только прикасался к его губам, меня охватывало пьянящее чувство нежности, неистового желания страсти, и все это сразу. Мне хотелось его ласкать нежно, ласково, а через минуту уже хотелось сжать его в своих объятьях до хруста костей, рычать, кусать и еще бог знает что. Ничего тодобного я не испытывал ни с одной, даже самой красивой, женщиной. От Светика я начал гулять «налево» уже на второй месяц после свадьбы, с Артуром я не смотрел ни «налево» ни «направо», я мог смотреть только на него.

После секса Артур только успел свою головенку до подушки донести, даже з душ не пошел – сразу отрубился. А я лежал и тихонько перебирал его тросящие локоны. Он хотел подстричься, но я уговорил его не делать этого. Мне безумно нравились его густые, мягкие волосы. Невольно я улыбнулся

мысли, что должен благодарить свою бывшую жену, за то, что нашла его для меня. И, конечно же, Костика. Этого неугомонного провокатора Костика. Он трямо тащился от наших отношений с Артуром.

Иногда мне казалось, что мы у него подопытные кролики и он на нас изучает,

как натуры , превращаются в геев.

У меня зародилось подозрение, что мой друг скрывал тягу к парням, и реализовал её за мой счет. Вернее, мною, подтолкнув меня к Артуру. В фантазиях, наверное, дрочит на нас, паразит. Он с таким рвением нас тоощрял, и как партизан, хранил нашу тайну от Ольги, что я убеждался в этом зсё больше. А когда мы пили пиво втроем, вздыхал и умилялся, глядя на нас.

- Счастливые, сейчас вот развалитесь на диване, и по фиг все. А я приду домой и ограбусь по полной программе, из - за этого несчастного пива.

Это он конечно преувеличивал. Ольга была женщиной спокойной, и згребаться Костя, не ограбался. Она просто могла молча, прожечь взглядом в чём дырку, а он начинал от этого заводиться и говорить ,что она его затерроризировала.

На что, она прожигала в нем, еще одну дырку. Я всегда удивлялся, их не тохожести со Светланой.

В одном Костя был прав точно – это то, что мы с Артуром счастливые. С этой мыслью я и заснул.

Утром меня вперед будильника ,разбудил мобильный Артура. Это его мама, как всегда, будила сына и его «сокурсника» в институт. Он сонно пробормотал ей что проснулся. Да, он позавтракает. Он не будет, есть «кролтон». Обязательно заедет домой после института. Нет, у него нет никакой девушки. Как только появится, сразу познакомит.

Это был ежедневный ритуал. И Артур всегда был ласков, и вежлив с матерью, как бы она его не доставала с расспросами и наставлениями.

Я отвез Артура в институт, а сам поехал на работу. Вечером договорились встретиться у цирка. Было новое представление – на льду. Артур очень хотел его посмотреть. Да и я хотел вновь ощутить чувство детской радости и счастья.

После представления перекусили в кафе, побродили по осеннему городу, обкидывая друг друга багровыми листьями, и уже за полночь отправились домой.

В лифте я впился в губы Артура, прижав его к стенке. Страха не было, что час кто-то застукает. В нашем подъезде, в основном, жили благопристойные тенсионеры, видевшие к этому времени десятый сон. Поэтому из лифта мы зывались целуясь. И чуть не подпрыгнули, услышав Светланин голос:

– Ни фига себе картинка!

Она стояла ошарашенная и пьяная. Пьяная в доску.

Мы растерялись, не зная, что делать. И я ничего лучшего не мог придумать, как сморозить:

– Светик, я предупреждал, что отобью его у тебя.

В одну секунду Светик, из красивой женщины превратилась в мегеру. Я не успел среагировать, как она кинулась на меня и вцепилась мне в волосы. У Артура, по-видимому, был шок – он стоял как столб, глядя как, Светка делает меня лысым.

Мне кое-как удалось, наконец, оторвать от себя взбесившуюся Светку, и обхватить её сзади. Мне от всего сердца было ее жаль, я не хотел причинить этой боли. Но, в конце концов, ведь это она бросила меня ради Артура, а потом и Артура – ради денег.

Она уже не выдирилась, а уткнувшись головой мне в плечо, ревела навзрыд, при этом матюкая меня, Артура, всех мужиков - пидорасов, и вообще всех и вся.

Артур, наконец, очнувшись от столбняка, открыл дверь, и я затащил зевущую Светку домой.

– Сволочь, Гордеев, ты самый последний вонючий козел. Извращенец, тидорас, гандон конченый, – причитала Светка у меня на плече. Я её гладил то голове, пытаясь успокоить. Артур тем временем заварил чай, и робко дотронулсь до Светланиного плеча:

– Свет, хочешь чаю?

Реакция последовала немедленно:

– Пошел на хуй, пидор малолетний.

Артур почему-то обиделся не на «пидора», а на «малолетний»

– Вообще-то мне уже двадцать, если ты помнишь.

– Уроды, все мужики уроды, – Светка еще минут десять нас поматерила и уснула.

Мы с Артуром, не зная, что делать и куда нам лечь спать (Светик заснула на единственном диване), просидели всю ночь на кухне. Артур сидел за ноутбуком, а я за книжкой. О реакции,протрезвевшей на утро Светки, думать не хотелось.

Светка встала рано. Не глядя на нас, умылась и привела себя в порядок. Я предложил ей кофе. Она послала меня на член, и ушла, хлопнув дверью. На Артура она даже не взглянула.

Он сидел на кухне, и смотрел в одну точку.

– Олеж, мне страшно. Ведь она маме моей все расскажет. А у неё сердце цалит, она и так переживает из-за того, что мы со Светой разбежались. Они еще и не помирились из-за той ссоры, из-за денег. Что теперь будет, Олег?

Мне самому было страшно. У меня было какое-то нехорошее предчувствие:

– Мать тебя ведь любит. И я думаю, для нее главное – чтобы ты был счастлив. Ты со мной счастлив?

– Очень, – он прижался ко мне, уткнувшись лбом в мою щеку.

Отвезя Артура в институт, я попытался дозвониться Светлане, упросить ее не рассказывать ничего матери Артура. Конечно, рано или поздно нам бы пришлось признаться ей во всем, но это должно быть не так. Не от Светы она должна узнать, что ее сын живет с бывшим Светкиным мужем.

Телефон был отключен. Меня никак не покидало чувство страха, чувство какой-то неотвратимой беды.

Кое-как дожив до конца рабочего дня, в течение которого я постоянно набирал Светланин номер, получая неизменный ответ «абонент не доступен», я позвонил Артуру. Он не брал трубку, потом тоже стал недоступным. У меня началась паника.

Приехав домой, я позвонил Косте. Трубку сняла Ольга. Услышав мой голос, она, не отвечая, отключилась.

Артур был недоступен до самого вечера. Я метался в неизвестности, как гигр в клетке. Уже почти в полночь раздался телефонный звонок на домашний. Я схватил трубку. Это был Костя.

– Олег, у матери Артура инсульт. Она в больнице в тяжелом состоянии. Ты это не теряй. Я не могу долго говорить, я позвонил, пока Ольга в ванной.

В общем, Светлана все рассказала матери Артура. Причем сделала это, трямо на работе при всех. Сейчас кусает себе локти, да поздно.

Я не спал всю ночь, хоть это была вторая ночь без сна, у меня его не было. Трубка Артура была всё ещё отключена. Я понимал, что ему сейчас не до меня, но очень хотелось быть с ним в такую минуту, поддержать его.

Утром позвонила Светка.

– Олег, прости меня, если можешь. Софью Владимировну парализовало. Это я виновата. Господи, как мне теперь с этим жить? – она ревела навзрыд.

А я смог лишь выдавить из себя:

– Как Артур?

– Плохо. Он от неё всю ночь не отходил, на стульчике рядом просидел. Он и сейчас в больнице. Езжай к нему, ты ему сейчас нужен. Простите меня, если сможете.

Кое как доработав до конца смены, я рванул в больницу.

Артур сидел, сгорбившись возле матери, держа ее руку в своей. Я дотронулся до его плеча. Он вздрогнул и повернулся ко мне.

– Уходи. Уходи, – его губы сначала шептали это, одно-единственное, слово, потом перешли на крик. Он соскочил и стал выталкивать меня в корridor.

Глаза у него были, как у безумца, его всего трясло. Я попытался его обнять, но он с такой силой оттолкнул меня, что я врезался в стоящую в коридоре каталку. С поста уже направлялась к нам медсестра.

И я ушел.

Я вышел на улицу, постоял у больницы. Конечно же, я прекрасно понимал, в каком Артур сейчас состоянии. Мозгами все понимал, а сердце разрывалось на части. Зачем он так со мной?

Я – то, что ему сделал? И такая меня злость вдруг взяла, на мою заспрекрасную «бывшую». Женщину, которую еще полгода назад любил, я готов был возненавидеть. Позвонив Светке, и не дав ей опомниться, вылил на ее бедную голову весь негатив, что был у меня в запасе. И мне стало немного легче. Оторвался – называется.

Домой идти не хотелось. Хотелось нажраться до поросьячего визга. Купив литровую бутылку «Горилки», я двинул к Костику. Ольга открыла мне дверь, и гут же захлопнула её у меня перед носом. Я со всей дури налег на звонок. Мне нужен Костя, мне срочно нужна была его жилетка.

И я не собирался отступать. За дверью послышался Костин слонячий топот.

А от его рыка «А ну отойди от двери!» я чуть было не отошел, но вовремя тонял, что это не мне.

Светка была у них. Сидела зареванная и тихая, какой я сроду ее не видел. Шмыгая носом, смерила меня «таким» взглядом! Я почувствовал себя твзdem под ударом молотка.

Ну и хрен с ней. Мне с ней не жить и детей не крестить. Пусть ненавидит меня, по крайней мере, хоть не презирает.

Когда мы на кухне с Костей, не разговаривая, выпили полпузыря, явились Светка с Ольгой. Как будто их кто-то звал. Ольга, молча, достала две рюмки, налила по полной, и они со Светкой залпом их глыкнули.

– Как долго вы с Артуром? – Светка сверлит меня взглядом.

– Не бойся, когда ты с ним жила, у нас ничего не было. Ты сама его бросила, в конце концов.

– А ты подобрать решил?

– Ну, хватит! – Костя вдруг треснул кулаком по столу так, что и тарелки, и мы подпрыгнули.

– Задолбали на хрен. Чего ты до него доколупалась? Что у вас, у баб, за привычка: сначала проебёте, а потом ляжки обоссываете. Любят они друг друга – всё!

Ольга, всегда спокойная, вдруг взвилась.

– А тебе, муженёк, не западло с пидорасом водку жрать? Может, у тебя тоже ёыльце в пушку?

Я видел, как Костя сжал кулаки. Я испугался, Светка, по-видимому, тоже: что он сейчас ударит Ольгу. Мы со Светкой с обоих сторон схватили его за скучи.

Костя выдернул руки, разлил горилку, мне и себе.

– Олеж, давай на брудершафт. Мне не западло выпить с моим лучшим другом, пусть он хоть черта лысого любит. Поняла? А вот то, что твоя любимая сестричка жизни чужие, как спички ломает, по-твоему, нормально?

Светка, не выдержав, разревелась:

– Дура я, ненавижу себя. Если Софья не отойдет, никогда не прощу себе этого.

Я ее приобнял, и сам не знаю зачем, сказал, что Артур выгнал меня из больницы, что он не хочет меня больше видеть.

Она подняла на меня заплаканные глаза:

– Ты что, действительно его любишь?

У меня ком в горле встал, я понимал, что своим ответом раню ее, но не сказать не мог:

– Никого так не любил, как его. Прости, Светик.

За столом повисло тяжелое молчание. Костя разлил остатки «Горилки», и достал самогон.

Утром я позвонил Артуру. Телефон всё еще был отключен. Наверное, он у него сел, а зарядки нет. И голодом в больнице сидит, поди... Я купил продукты, соку. Взял его запасной зарядник, полотенце, мыло. И на свой страх и риск пошел в больницу.

Он спал на соседней кровати, свернувшись калачиком на голом kleenчатом матрасе. У меня сжалось сердце. Софья Владимировна лежала под

капельницей. Глаза закрыты, кожа мертвенно-бледная, одна половина лица как будто выдвинута, вокруг губ синева.

Медсестра подошла ко мне и, молча тронув за рукав, поманила за собой.

– Вы родственник?

Я замялся, не зная, что сказать.

– Не близкий, но родственник.

– Не переживайте, она поправится, все будет хорошо. Она уже зазговаривать начала. Правда плохо ещё, но будем надеяться, речь выправится. А ходить пока с палочкой придётся, но дай бог отойдет. Вы её сейчас покормите. Артура можете не будить, он уже вторые сутки без сна, тутъ поспит. Я вам сейчас одеяло дам, укроете его.

Софья Владимировна внимательно, молча, смотрела на меня, пока я ее кормил с ложечки бульоном. Я был ей благодарен, что она позволяла мне это делать. Когда я поправил ей подушки, она слабо сжала мою руку. Ее губы с грудом выдавили:

– Это ты?

Я кивнул, и поцеловал ей руку. Уголки её губ дернулись:

– Умеешь подмазаться.

Она говорила вполне понятно. Потом тихонько погладила меня по руке:

– Не обижай его. Он мой единственный, все, что есть.

– Мой тоже. Я никогда его не обижу.

Она тяжело вздохнула. В её глазах было столько боли и осуждения, что мне хотелось взвыть.

– Мама - я и не заметил, как Артур проснулся. Он опустился на колени перед койкой, и уткнувшись в мать, заплакал навзрыд.

Плакал и приговаривал - “Не пугай меня так больше, никогда так не пугай”

Через две недели мы забрали её из больницы. Я жил у Артура. Взял отпуск, не позволив бросить ему учебу, а Софья Владимировна меня поддержала. Ещё пошутила:

– Артур, не лишай мать внимания молодого человека. За мной сто лет, так никто не ухаживал.

Ещё через два месяца, мать Артура вышла на работу. И гордо заявила сотрудникам, что чихать она хотела, на общественное мнение. Главное её сын счастлив, а с кем - это уже его дело.

Да хоть бы и с бывшим Светкиным мужем. Сколько баб - вон его от Светки отбивало, и отбить не могли. А Артуру и отбивать не пришлось, сам отбился.

Светка отшутилась, что два брошенных ею мужика, нашли неординарный способ утешения..

Они помирились, и она часто передавала Артуру какую-нибудь работёнку, через мать. Когда мама Артура поправилась окончательно, мы с Артуром переехали ко мне.

Часть 2. Первый снег.

Сегодня выпал первый снег. Это первая наша общая зима. Артур радуется этому первому снегопаду как маленький. Подставил лицо под летающие, серебристые от лунного света, снежинки, и они, как брильянтовая крошка, тереливаются в его волосах. Тают на горячих губах, дрожат на длинных ёсеницах. Боже, как же этоексуально! Я даже представить раньше не мог, что простые снежинки могут так украшать.

А он кружится, смеется, ловит их языком. Я валю его на это белоснежное девственное покрывало. Его губы такие горячие, а щеки холодные и заскрасневшиеся. Целую жаркие губы, зарываюсь рукой в его волосы. Но он зыворачивается из-под меня, и вот уже я в сугробе, а он верхом на мне. Я голько хотел возмутиться, а он уже накормил меня снегом.

Снег везде: за шиворотом, в рукавах, в волосах, во рту, на лице. Наконец мне удалось поменяться ролями, и теперь он весь в снегу. Я подал ему руку, приводя в вертикальное положение. Обнял и крепко прижал к себе. Он гяжело дышит, весь как ледышка, холодный. Я накрываю его руки своими, дышу на них, пытаясь согреть.

Целую каждый его палец, и ловлю его взгляд. Он смотрит на меня с такой безграничной нежностью, что я таю, как снеговик под лучами солнца. Осыпаю это лицо поцелуями, губами прихватываю его пушистые ресницы, и он все геснее прижимается ко мне.

– Боже, как я люблю тебя. Как же я жил без тебя всё это время?

Он прижимает свои губы к моему уху и шепчет:

– Пойдем в дом, покажешь, как ты меня любишь.

Мы с ним на Костиной даче. Они завтра должны приехать сюда с зебятишками, и мы топим печку, прогревая дом. Завтра к их приезду затопим баню. В прихожей я срываю с него и с себя мокрую одежду. Снега мы нанесли в дом – сейчас лужи потекут, но нам не до этого.

В доме тепло, потрескивают березовые дрова в печке, потихоньку кипит чайник. И так все уютно: по-деревенски расстелены самотканые половички, на стенах развешаны травы, и запах от них одуренный.

Кровать стоит старая, сетчатая полуторка, застеленная огромной периной. А мы проваливаемся в нее, как в громадный сугроб. Я целую плечи, грудь, живот Артура, щекочу языком его соски, он подставляет мне шею.

Я схожу с ума по тебе, я схожу с ума от тебя. И уж точно я сойду с ума, если здруг тебя – не будет у меня. От этой мысли, я со всей силы прижимаю его к себе:

– Никому не отдам, никому.

Артур поддается бедрами мне на встречу, и я сжимаю его ягодицы.

Немного слюны – и я уже в нем. Его тело в моих руках, глаза закрыты, с губ срывается тихий стон.

Глядя на него, такого расслабленного, мои движения становятся все жестче, мне хочется быть в нем всему, раствориться в нем, достать до самого сердца. О, господи, так не может быть хорошо, так не бывает – когда у тебя мозги на зыляет, когда тебя рвет и плющит, когда ты кричишь как раненый зверь.

Вспышка в мозгу, судорога по всему телу, кажется, что ты умер, и душа твоя улетает в рай. Его сердце рвется в твои ребра, а твое отвечает тем же. Ты сжимаешь из последних сил это бьющееся под тобой тело, и наступает смерть. Ты умираешь, чтоб возродиться вновь.

Он гладит твои волосы обессиленной рукой, а ты смотришь в его затуманенные глаза, и не веришь, что он твой, что ты так богат.

А на улице снег – мягкий, пушистый снег. И это ваша первая зима и ты надеешься, что она не будет последней.

Часть 3. Новый год.

Город весь в огнях. Всюду развесаны гирлянды – на киосках, у входа в магазинчиков, на столбах. Даже на деревьях. Дух захватывает от такой красоты. На крышах мелких магазинов установлены небольшие крутящиеся злочки, которые сверкают на радость малышне. В общем, Новогоднее настроение горожанам обеспечено. У меня тоже оно приподнято, даже больше – у меня предновогодний мандраж. Это наш с Артурчиком первый Новый год. Я очень хочу, чтобы он был особенный. Чтоб запомнился нам обоим на всю жизнь.

Я ехал с работы к матери Артура: он приболел и был у нее. Она его отпаивала травяным чаем с медом и малиновым вареньем. И еще пыталась, уже который день, накормить нас обоих перекрученным лимоном. При этом воспоминании меня передернуло – терпеть не могу лимон. Голова моя была забита самой главной проблемой – что подарить Артурчику. Как назло, я ничего не мог придумать. Набрал Костин номер, попросил что-нибудь посоветовать. У него же на все случаи любых торжеств был один ответ:

– Купи что-нибудь из золота.

И тут меня осенило. Сердце подпрыгнуло и сладко замерло.

Зайдя в магазин, я направился к прилавку с обручальными кольцами. И теперь красивая коробочка с двумя колечками, лежавшая во внутреннем кармане, грела мне сердце. Всю оставшуюся дорогу до дома Софьи Владимировны я улыбался, как самый настоящий придурок. Теперь мне нужно выдержать эти три дня, и не проговориться Артуру про подарок. Он что-то совсем разболелся. Голос пропал, и он смешно сипел, пытаясь говорить. Нос был красный и натертый. Мама укутала его в два одеяла, насыпала ему в носки горчицы, а горло обернула водочным компрессом. Он был похож на маленького, и вызывал этим своим видом такое умиление, что я эле сдержался, чтобы не зачмокать его насупленную мордаху.

— Ну что, больной, какие прогнозы на Новый год? Носом будешь шмыгать, или все-таки поправишься?

Он что-то просипел, и мне стало его так жалко, что я не удержался и все-таки прильнул к его губам. Софья Владимировна отвернулась, а больной стал как бордовая свеколка.

Дома я не хуже заботливой мамочки носился вокруг Артура. Разогревал ему иолоко, заставляя пить его с медом, через каждые пятнадцать минут совал эму градусник в подмышку, помимо этого, лынул к его лбу губами, не доверяя градуснику. Если бы Артур мог говорить, давно бы послал меня, наверное, с такой , чересчур навязчивой заботой.

Наконец он не выдержал моей суety, и когда я в очередной раз полез к его лбу, он дернул меня на себя. Я тут же со лба переключился на шею, подбородок, грудь, живот и ...

Все было горячее, температура была везде. А как было горячо внутри ... — это не описать.

Зато после того, как я вытащил из Артура свой «градусник», он весь заспотевший, тут же уснул. Я, счастливый и удовлетворённый — тоже.

На следующий день я перед работой увез Артура к матери. Она взяла на работе отпуск, собираясь в деревню к своей сестре на Новый год. Я сегодня тоже работал последний день,

и уходил на заслуженный отдых без содержания. На работе я то и дело, доставал коробочку с кольцами, любовался ими и представлял, как я делаю Артуру предложение.

От этих представлений меня разбирал смех, и я весь день просидел с улыбкой до ушей, весь в мечтах. Сотрудники на меня махнули рукой, и

оставили в покое после того, как я, не глядя, подписал очередную бумажку, качая головой в такт говорившему, словно китайский болванчик.

В себя меня привел телефонный звонок. По мелодии, я уже знал, кто звонит.

Мои предки пять лет, как уехали жить в Германию. Приезжали ко мне только на свадьбу. Звали нас со Светланой с собой, но я не захотел, мой дом был здесь. Узнав о нашем со Светой разводе, они приняли его довольно спокойно. Мама лишь глубокомысленно изрекла: «Слава богу, хоть детей не успели нажить». Звонили они мне так же, как и приезжали – по великим традзникам. Поэтому про Артура они ничего не знали. Помня реакцию Софьи Владимировны, я не торопился их ставить в известность. И когда, взяв трубку, я услышал от своей маман, что на Новый год они приезжают, у меня был шок. Конечно же, я соскучился по родителям, и хотел их увидеть. Но Новый год – я планировал его справлять только с Артуром. Я хотел, чтобы эта ночь была только наша, я мечтал заниматься любовью под наряженной нами елкой. Пить шампанское с его рта, брать шоколад из его губ. Я мечтал сделать ему предложение, надеть на его тонкий пальчик кольцо, и чтобы он надел такое же на мой палец. Я не ПЛАНИРОВАЛ объясняться на Новый год с предками, я не хотел держаться от Артура на пионерском расстоянии. ЧЕРТ, ЧЕРТ, ЧЕРТ!!!!

Все планы коту под хвост.

Приехав к матери Артура, я не знал, как ему сказать о том, что приезжают мои предки, и Новый год придется справлять с ними. Он притянул меня к себе, заглянув в глаза, прошептал осипшим голосом:

– Олеж, ты чего такой? На работе что-нибудь случилось?

Я рассказал о приезде родителей и затаил дыхание, ожидая его реакцию. Я готов был его утешать, обещать, что Рождество будет только нашим, целовать его и умолять, чтобы он не расстраивался. Но я совсем был не готов услышать, как он обрадовано скажет:

– Так это же здорово! Моя мама тогда тоже будет с нами справлять Новый год. Ты не возражаешь?

Софью Владимировну перспектива познакомиться с моими родителями очень даже вдохновила. И она сразу начала думать, что же им такого приготовить – того, чего они в своей Германии не едали. Получалось, что един я был не в восторге от прибытия собственных предков...

Я решил провести конспирацию на время пребывания предков. Воспользоваться решил Бывшей женой и Костей.

Собрав семейный совет, состоящий из Артура, меня, Софьи Владимировны, Светки, Ольги ну и, конечно, Костика, мы решили, что Новый год будем спрятать все вместе. Увидев Светку, мои будут думать, что мы с ней опять вместе.

Стол ломился – наши женщины постарались на славу. Костик нагнал натур-тродукта, не доверяя государственному алкоголю. Самогон был пяти видов: на кедровых орешках, на цитрусовых корках, на вишневых косточках, на зубовой коре и на корне женьшения. Ольга добавила сюда еще домашние вишневую и смородинную наливки.

Отмечать решили у матери Артура.

Я как на иголках стоял в аэропорту. Весь издергался, ожидая родителей. Мне предстояло убедить их , принять приглашение, и отправиться встречать Новый год к Софье Владимировне.

Предки, как ни странно, с радостью согласились. Они, видите ли, хотят разрушать мои планы и прекрасно понимают, что я не собирался сидеть дома один, если бы они не приехали. Поэтому они с радостью познакомятся с моими друзьями. А наговориться мы еще успеем. Они будут гостить у меня до самого Старого Нового года. От этих слов у меня случилась слабость в ногах, и отцу пришлось подхватить меня под локоток. Я чуть не плакал, и все время нащупывал коробочку с кольцами, сжимая её в кармане.

Приняв душ, отдохнув, мы к десяти вечера приехали к Софье Владимировне. Артур открыл дверь, и, бледный как стенка, протянул моему отцу дрожащую руку. Тот ее радостно пожал, не дав Артуру опомниться, часовал ему полные руки гостинцев из Германии.

Увидев Светку, мои немного удивились. Но с теплотой ее обняли и тоцеловали.

Костя с Ольгой воспринимались, как само собой ,разумеющаяся.

С Костей мы дружили с самого детства, ну Ольга его жена, и вдобавок Светланина Сестра.

Поэтому обнимали его и Ольгу, как родных. Наши с Артуром мамки, спелись через пять минут.

Извинившись, я утащил Артура в спальню, сказав, что мне с хозяином тошептаться надо. Зажав его в угол, присосался к нему, как пиявка. Его всего грязло от волнения. Губы были холодными, руки тоже. Я со всей страстью тытался вдохнуть в него жар. И он с благодарностью его принимал. В дверь тостучали, я неохотно от него отстранился. Софья Владимировна зашла в комнату и потрепала меня по голове.

– Олежка, родители у тебя - супер, такие простые. Я как будто их всю жизнь знала.

Держитесь, мальчики и ведите себя прилично. Давайте, идите ко всем.

Я так и не сказал Артуру, что с Рождеством у нас тоже облом.

Посидев за столом и проводив Старый год, мы с удовольствием слушали рассказы моего отца, о жизни в Германии. Но вот уже поднял в телевизоре бокал с шампанским наш дорогой президент. Костя лихорадочно начал разливать шампусик, девчонки жгли какие-то записки и побросав их в бокалы, довольные, повизгивали. Наши с Артуром мамки умиленно на них смотрели, приговаривая:

– Как дети, честное слово.

Я сжал руку Артура под столом. Он ответил на рукопожатие взглядом.

Не знаю, сколько бы мы, пялились друг на друга, но Костя, гад, пнул меня то ноге, скорчив страшную мину. Когда забили куранты, все наперебой стали поздравлять друг друга, и целоваться. Мать с отцом прижали меня с двух сторон. Мамка заплакала, у меня тоже слезы навернулись на глаза. Я почувствовал угрызения совести, что так встретил их, почувствовал, как я по чим соскучился, как сильно я их люблю. Потом я обнял и поцеловал Софью Владимировну, и поймал благодарный взгляд Артура. Костя сграбастал и засцеловал Артурку и меня, прижав нас, друг к другу. Молодчина Костя, знает, что нужно делать.

Пьянка была, как говорится, в самом разгаре. Костькин самогон, не смотря на хорошую закусь, действовал сногсшибательно. А пьяному, как известно, море по колено. Думая, что нас никто не видит, я снова утащил Артура в спальню.

Я целовал его шею и губы с такимupoением, что если бы кто-нибудь зашел, я бы не смог оторваться. Но Артур сам меня от себя кое-как оторвал, причем мои губы никак не хотели отпускать его кожу на шее.

– Олежек, я тебе подарок подготовил, но я тебе его потом подарю, ладно?

– Я тебе тоже кое-что подготовил. Мы с тобой обязательно завтра что-нибудь придумаем и выкроем часик для нас. Угу?

– Угу, – и опять его губы в моих.

Костя нас чуть ли не силой вытащил на свет божий. Все танцевали. Родичи же отставали от «молодежи». Отец как-то странно посмотрел на нас с Артуром. Особенно на Артура. И тут я понял, куда он смотрит. У Артура на шее, красовался огромный свежий засос. А губы были, как пельмешки. Мы с чим спалились. Вляпались так не хило, по самые помидоры.

Я готов был провалиться сквозь землю. Артур засоса и своих губ не видел, тоэтому просто покраснел от взгляда моего отца. Батя мой, недолго думая, схватил нас под руки, и весело сказал:

– Пойдем - ка, парни, покурим, – поволок нас на площадку в подъезд.

Софья Владимировна тоже заметила отметину на шее Артура, и схватившись за сердце, села на диван.

Моя мама, подумав, что ей просто плохо, побежала на кухню за водой.

Отец, видя все это, пожал руку матери Артура.

– Все хорошо, мы просто поговорим. Я не враг им, поверьте.

Она, сглотнув слезы, кивнула. Музыка орала во всю, но весело никому уже не было. Костя, Ольга и Света все прекрасно поняли. И только моя мама стояла со стаканом воды и недоуменно на всех смотрела.

В подъезде отец закурил. Артур почти вжался в стену, его тряслось, и я, заплевав на все, подошел к нему и обнял. Отец посмотрел на нас в упор, токачал головой.

– Олег, вы из-за этого со Светой расстались? Давно это у тебя? Почему тымолчал? Почему ничего не сказал, прежде чем идти к твоему... – он запнулся, не зная как назвать Артура.

– К моей второй половинке. Со Светой мы расстались раньше, чем я Артура встретил. До этого я на парней не смотрел вообще, если ты об этом спрашиваешь. Артура я люблю. И с этим – вам с мамой – придется или смириться, или отказаться от меня.

– Господи, как тебе такое в голову только пришло? Как можно от своего ребенка отказаться?

И потом, не забывай, где мы с мамой живем. Там такие пары, как вы, в обнимку, не стесняясь, ходят. Так что мы с твоей матерью не такие уж и консерваторы, думаю, постараемся переварить все это. Ну, невестушка, иди я тебя обниму.

Батя мой ехидно лыбился Артуру во весь рот, меряя его не менее ехидным взглядом.

Тот что – то хлюпнул нечленораздельное и как то бочком подошел к отцу.

– Ну, все, чего ты? Перепугались, да? Успокойся, все хорошо будет. А зонков мы Светлану попросим родить, она вроде же, как нам сноха тоже – клопал добрый батя Артура по спине.

– Батя!

– Тыфу ты. Да не от тебя конечно, придурок. Выйдет же она потом за кого-нибудь. Вот мы и будем их деткам вроде бабушки с дедушкой. Бабки с дедками, никогда лишними не бывают.

Тем более заграничные. Ну, все, пойдемте мамок успокоим. А то они иззвелись, наверное, уже.

Я так понимаю, все остальные в курсе ваших амуротов? Артур, твоя мама знает?

– Знает, батя, знает. Все знают. Любовь, её не скроешь.

— Это точно, — отец кивнул на засос, на Артуркиной шее. — Так значит, Софьюшка, нам сватьей приходится? — его улыбка стала еще шире. Я знал, что батя у меня еще тот кадр, похренист полный, но честно сказать не думал, что до такой степени.

Артур растерянно посмотрел на отца, шмыгнул носом и сиплым голосом изрек:

- Наверное, я не знаю, как это называется.

Батя смеялся до слез. А Артур так и не поняв, что он сейчас только что пяпнул, с удивлением переводил взгляд то на него, то на меня. Причем я, стойчески старался не рассмеяться.

В подъезд стали потихоньку выползать все домочадцы, с беспокойством тоглядывая на отца. А он, все еще смеясь, обнял Артура и подтолкнул его к моей матери:

— Ну, принимай, мать, второго сына, куда от них теперь.

Мама моя, как и мать Артура, была заплаканной. Ей, наверное, все уже рассказали.

Она, молча, обняла Артурку, а потом и Софью Владимировну. А я сгреб их всех, вместе с батей.

Все остальные, включая Костю, подозрительно шмыгали носами. У Светки с Эльгой самогон так и лил из глаз. Во дают, прямо как в мелодраме со счастливым концом.

То ли нам с родичамишибко повезло, толи мир меняется?

Я все пытался представить себя на месте отца, получалось плохо.

На следующий день, опохмелившись, наши родители свалили в деревню к Артуровой тетке.

А мы с ним остались наводить порядок.

Отец сказал, что если они приедут, и дома будет бардак, намылит нам шеи. Уже вечером, управившись и приняв душ, мы наконец дорвались друг до друга.

Оторвавшись от губ Артура, я достал кольца. Он улыбался, хитро тоглядывая на меня.

- Хочешь предложить руку и сердце?

- Хочу предложить кое какой обмен. Я тебе свое сердце и руку, а ты мне своё.

- УУ, заманчивое предложение. Дайка подумать.

- Я тебе еще и кольцо в придачу даю, соглашайся. Выгодная сделка.

- В жизни не слышал, то бы так делали предложение.

- Ну, я вообще то, мужикам никогда их не делал, так что опыта маловато. А где это ты наслушался, как их делают?

- В кино, где же еще - он засмеялся и протянул руку, выставив безымянный палец.
- Это значит, что ты согласен?
- А ты что, надеялся, что я откажусь?

Когда стянул с него майку, обомлел: на левом соске Артура красовалось маленькое золотое колечко.

–Нравится? Это мой подарок тебе.

Я готов был кончить, еще ничего не начиная. От одного вида этого пирсинга, у меня в паху начался такой пожар, что я чуть ли не разорвал джинсы на этом сексуальном засранце.

Я вошел в него, как варвар-завоеватель, сорвав с его губ вскрик, кусая его соски, прихватив зубами золотое колечко. Я обезумел. От его тела, от нашего хриплого, прерывистого дыхания. Последний рывок, и мы падаем, тадаем, падаем.... Или летим, как летают только во сне.

Часть 4. БОЛЬ.

Уже месяц, как Артур на практике в Новосибирске. Завтра он приезжает.

Этот месяц прошёл быстро, я торопился сделать ремонт до приезда Артура.

Скукал по нему – не передать словами. Сердце грело в этой вынужденной разлуке только желание сделать сюрприз любимому человеку. Возился каждый день, чуть ли не до утра, притупляя работой тоску. И вот сегодня он приезжает. Через два месяца у него защита. Слава богу, хоть с армией проблема решилась, я так боялся, что Артурку после института, загребут служить отечеству. Я конечно, не против службы в армии, но мысль, что я не буду видеть его полтора года, меня приводила в ужас.

В аэропорту еле сдержался, чтобы не сграбастать и не сдавить в келезные тески объятий.

Артур был каким-то заторможенным, неохотно отвечал на мои расспросы, пока мы ехали домой. Я списал это на усталость. Когда он вошел в квартиру, то восторженно ахнул.

– Нравится? – я наконец присосался к его губам, прижимая к стене в трихой.

– Да, очень. Когда ты только успел? – он как-то мягко выворачивается из моих объятий. Проходит в комнату и с каким-то отрешенным и, как мне показалось, виноватым видом плюхается на диван. Меня это насторожило, но особо я значения его поведению не придал.

— Давай, прими душ и за стол. Я романтический ужин сообразил по поводу твоего приезда. Как же я соскучился, — не удержавшись, валю его на диван и начинаю целовать.

— Олеж, я в душ пойду. Ты грей пока свой ужин, — он вывернулся из-под меня.

Я растерялся. Не так я представлял нашу встречу. У меня внутри все кипело от нетерпения — зацеловать его, затискать. Я думал, что и Артур должен чувствовать то же самое. Но что-то было не так. Страх холодной змейкой стал заползать и сворачиваться в сжавшемся от нехорошего предчувствия сердце.

Ужин прошел как-то вяло. Он с неохотой рассказывал о своей поездке, я буквально вытягивал у него все клещами. Что-то случилось, я это чувствовал, но до смерти боялся спросить у него. Вернее, боялся услышать ответ. Взял самую крупную клубнику, опустился перед ним на колени и провел сливками то его губам. Он поддался мне на встречу, прихватил ягоду губами, и она исчезла у него во рту.

Я тут же приник своим ртом к его, а мой язык последовал за клубникой. Его щеки, открылись навстречу поцелую, руки зарылись в мои волосы и он опустился на пол рядом.. Желание, сдерживаемое целый месяц, расплывало мозг, жарило необъятным пламенем всё нутро. Руки лихорадочно ласкали кожу, губы и язык, не могли насытиться поцелуями.

Страсть диким зверем рвалась наружу. От его запаха, разгоряченного тела, я сходил с ума. Проваливался в какой-то запредельный круговорот. Хотелось только одного — не разжимать объятий, слиться в единое существо, заствориться в этом водовороте и не возвращаться в реальность. Тихие стоны Артура, мое учащенное дыхание, пульсирующий от желания член, эхонгирующий в его плоть. Волна сжигающего как огонь наслаждения, туман в голове, слабость в раз обессиленного тела. А после — нежность, истома, токой.

И вдруг из этой эйфории, тебя вырывают не сразу дошедшие до тебя слова:

— Олег, я хочу быть сверху.

— Артур, лапа, ты о чем?

— Ты прекрасно меня понял. Я сказал, что в следующий раз, я хочу быть сверху.

Что это на тебя нашло? Тебе что, не нравится быть подо мной?

— Нравится. Но мне надоело, что я постоянно у тебя за деваху. Я такой же мужик, как и ты. Чем я хуже тебя? Ты, значит, у нас мачо крутой, а я так, гелочка под тобой.

Я опешил от его обвинений. Наши роли как-то сами собой распределились три первом же нашем гомосексуальном совместном опыте. И никогда Артур даже не заикался на эту тему, а я, честно говоря, даже в мыслях не допускал такой вариант. Что вдруг на него нашло? В душе шевельнулось нехорошее подозрение – он мне изменил, у него кто-то был в Новосибирске.

И такая вдруг ревность накрыла меня, такая злость. Я резко поднялся с него. Дрожащими пальцами нашел сигареты, закурил, пытаясь успокоиться. Подошел к столу, налил полный фужер вина, и осушил его одним глотком.

– Артур, у тебя кто-то был? Ты с кем-то переспал?

Он тоже вскочил на ноги и стал натягивать джинсы прямо на голое тело. У него плохо это получалось, его тряслось, и руки не слушались. Я грубо схватил его за плечи:

– Кто? Парень? Девушка? Отвечай!

– Отвали, – он попытался меня оттолкнуть, но я только еще сильнее в него зцепился.

– Если ты мне не ответишь, я ударю тебя, Артур.

Я сам не понимал, что на меня нашло. Страх, ужас, злость, паника – все эти чувства захлестнули меня. Я почти не соображал, что я говорю и что делаю.

Очнулся я от хорошего тумака. И тут только понял, что я со всей силы грясу Артура и как заведенный повторяю: – Говори, говори...

На меня смотрели расширенные глаза.

– Пусти, – он сказал это почти шёпотом. Я с трудом разжал пальцы, освобождая его от своей хватки.

– Прости. Не знаю, что на меня вдруг нашло. Ты ведь не изменял мне? Скажи, что нет, пожалуйста, скажи, – я уткнулся в его мягкие волосы, глядя его плечи, боясь смотреть в его глаза, боясь услышать страшный ответ.

– Нет. Не изменял.

Я выдохнул от облегчения, и потянулся к его губам, но он накрыл мои губы рукой.

– Ну, так как? Ты ляжешь под меня?

Как ведром холодной воды окатил.

– Артур, перестань. Ты же прекрасно понимаешь, я не смогу. Тебе что, мало того, что я тебе минет делаю?

– Женщинам там тоже целуют, так что не отмазывайся. Да или нет?

– А если нет, то что? Ты перестанешь меня любить?

– Если нет, то это ты, значит, недостаточно меня любишь.

Я даже задохнулся от такого заявления. Он что себе в голову вбил?

Что, черт возьми, за хрень в его башке происходит?

— Артур, прекрати нести пургу. Ты прекрасно знаешь, как я тебя люблю. Ну же могу я тебе задницу подставить, не могу через себя перешагнуть. Не хочу. Понимаешь? Не хочу я туда, не ХОЧУ.

— А я, значит, могу? Я, значит, пидор, а ты у нас мужик. Замечательно.

— Но ведь тебе нравится то, что я с тобой делаю. Я вообще не понимаю, к чёму весь этот разговор? Что ты себе навыдумывал в этом Новосибирске? Чёто не так? Я хоть раз к тебе отнесся как к п..., как к гомику? Я люблю тебя, чёто тебе еще нужно? Разве, чтобы доказать это, обязательно нужна моя дырка в заднице?

— Конечно, дырку из нас двоих подставлять только я должен. Надумаешь — скажешь. Я ухожу к матери. Жить буду у неё.

Он стал одеваться. Я стоял как вкопанный. У меня отнялся язык, меня как тарализовало. В голове полная каша. Я не мог поверить в происходящее. И только когда он был уже у двери, я рванул к нему. Загородил собой двери, сбнял его, судорожно сжал:

— Артур, ну что тытворишь, что на тебя нашло?

Ну не могу я, понимаешь, не могу. Но, я же люблю тебя, люблю. Не уходи, тожалуйста, прошу.

Он аккуратно освободился от моих рук, отодвинул меня в сторону и вышел. Я сел на диван, руки и ноги тряслись, прикуренная сигарета обожгла пальцы. «Это блажь, пройдет. Он вернется. Кто-то что-то ему внушил. Пройдет. Соскучится и прибежит. Но ведь мы месяц не виделись, он и так должен был соскучиться. Господи, что это? Что происходит?» Я поймал себя на том, что сижу и шатаюсь как маятник – вперед, назад, вперед, назад...

Лег. Начало морозить. Укрылся одеялом. Потом вспомнил, что телефон в кармане брюк, вдруг он позвонит...

Пачка сигарет закончилась как-то быстро. Я, не отрываясь, смотрел на дисплей телефона. Не выдержал, набрал его номер. Абонент не доступен. Хотелось выть, кричать. Или забиться куда-нибудь в темный угол. Не помню, как уснул.

Утром первым делом отпросился с работы. И начал терроризировать телефон. Абонент все еще был отключен. Запрыгнув в машину, поехал домой к Софье Владимировне. Артура я уже не застал. Он, по-видимому, ушел в институт. Позвонил на сотовый, его маме. Она была на работе.

— Софья Владимировна, а Артур, во сколько из института придет, не знаете?

— Олег, что у вас произошло? Ты на работе? – на мои вопросы она ответила своими.

— Нет, я отпросился. А что?

— Подъедешь ко мне на работу, мне с тобой поговорить нужно.

Я был ошарашен. В ее голосе было что-то такое, что заставило меня испугаться.

Мы зашли с ней в стоящее рядом с их работой кафе.

— Олег, ты что, изменил Артуру, пока его не было?

Я даже кофе поперхнулся от ее слов.

— С чего вы взяли? Я, как придурок, пока его не было, ремонт в квартире делал. Работа — дом, дом — работа. Я у Кости забыл даже, когда был. А он триехал, наехал на меня ни с того, ни с сего, брыкнул и ушел. Я вообще ничего не понимаю.

Софья Владимировна выглядела какой-то уставшей, с кругами под глазами.

— Олег, он мне вчера сказал, что защитится экстерном и в Новосибирск работать уедет. Ему там работу и жилье предложили. Когда я спросила о тебе, Артур ответил, что ты как-нибудь переживешь, увлечение проходит.

Я был в шоке. Было ощущение, что это происходит не со мной, что я где-то далеко, а голос Софьи Владимировны слышится мне во сне. Я не мог поверить в услышанное. Мир рухнул. Просто ничего не стало. Была только разрывающая сердце боль. И мысль, стучавшая в затылок, в виски, отбойным молотком: «Он меня бросил. Это была причина. Причина чтобы уйти. Он встретил кого-то там, в Новосибирске. Все кончено, я не нужен ему». Из ступора меня вывела Софья Владимировна. Она трясла меня за плечо:

— Олежек, милый, очнись. Может, он передумает, поговори с ним. Скажи, ты действительно любишь его?

— Да, — я просто выдохнул это слово, как будто вырвал занозу из сердца. Не все еще потеряно. Я остановлю его. Соглашусь на все, докажу, как я его люблю, он поверит и не уедет. Я все сделаю, чтобы он не уехал.

Этими мыслями я успокоил себя, настроился на хороший исход, отогнал все плохое и страшное, что лезло в голову. Успокоил Софью Владимировну. Сказал, что мы обязательно помиримся, и Артур никуда не уедет. Вечером я должен был подъехать к ним. А пока вернулся домой. Мне нужно было все тереварить, настроиться на разговор и на все остальное тоже. Но когда я зашел в квартиру, у меня подкосились ноги. Артур был здесь, пока меня не было. Он ведь считал, что я на работе.

На журнальном столике лежали его ключи, рядом кольцо, что я подарил ему на Новый год. И записка. Я подскочил к шкафу, распахнул дверцы. Вещей

Артура не было. Я уже знал, что в записке. Не хотелось читать. И все же я ее развернул.

«Олег, прости меня, если можешь. Я не смог сказать тебе это, глядя в глаза. Наша встреча была ошибкой. Прости. Я знаю, что причиняю тебе боль, мне самому от этого больно, поверь. Ты молодой, красивый мужик, тебе нужно жениться, родить детей. Мне тоже. Так должно быть. Так будет лучше для нас обоих. В Новосибирске я встретил девушку. Я уезжаю. Прости».

В глазах все плыло. Ноги подкосились, и я осел на пол. С трудом вытащил из кармана телефон. Руки тряслись. В висках ломило от пульсирующей боли. Он ответил сразу же, после первого гудка.

— Артур, приезжай. Пожалуйста. Поговори со мной. Я все сделаю, что ты хочешь. Все. Прошу тебя. Я на все согласен, слышишь? — я слышал его дыхание, сердце готово было остановиться, в горле стоял ком, и я еле сдерживался, чтобы не разреветься.

Он ответил не сразу, а потом я услышал его тихий голос, как будто он с трудом выдавливал из себя слова:

— Олеж, ты сильный. Ты настоящий мужик, не унижайся, не надо. Я знаю, как тебе сейчас плохо. Так получилось. Поверь, я не хотел. Прости меня. И зачерашнее прости. Ты так меня встретил, я не смог вчера тебе сказать.

Я не стал дальше слушать, не мог. Отключил телефон, и просто лежал на полу, глотая слезы, которые сами текли, а я не мог их остановить. Меня как будто разрезали пополам, воткнули кол в сердце, провернули его несколько раз и не вытащили. В голове, кроме пульсирующей боли, ничего не было. Чичего, кроме боли.

***

С тех пор, как ты бросил меня, прошло полгода. Я знаю, что ты женился в Новосибирске, что ты приезжал с женой к своей маме.

Я захожу к ней иногда, ведь моя мама далеко, а твою я полюбил, и она относится ко мне как к сыну. А может, я надеюсь, что когда-нибудь ты зернешься ко мне. Я до сих пор храню твое кольцо. Оно у меня на пальце, рядом с моим. Правда, пришлось его немного раскатать, чтобы одеть на свой талец, но это ничего, скатаем его обратно.

Я живу без тебя, каждый день, думая о тебе. Этот кол в моей груди — он до сих пор там. Вытащи его, мне ведь так больно. Прошу тебя, избавь меня от этой боли, сделай меня вновь счастливым, прошу тебя....

Эпилог.

У подъезда под ёлочкой,
Я стою одиноко.
И смотрю я на звездочку,
Что так светит далёко.

Бьют куранты и слышно,
Как бокалы звенят.
Как, скажи мне, так вышло,
Что пути нет назад?

В горле ком,
На ресницах слёзы,
В сердце стон
От тупой занозы.

Кулаки сжал
В бессильной злобе,
Кольца снял
И они в сугробе...

Руки стынут,
Ищу напрасно
Я в сугробе
Былое счастье...

Конец 1 части.

Свидетельство о публикации №2 1002260171

Настоящим свидетельствуем, что литературное произведение с названием «Выбор Артура» было обнародовано 26 февраля 2010 года. При этом было указано, что автором произведения является Дэвид Висман.

Генеральный директор
ООО «Литературный клуб»
Д.В.Кравчук
26 февраля 2010 года